

Глава 1

— Внимание! В связи с празднованием Нового года и ростом заболеваемости гриппом, Министерство здравоохранения настоятельно рекомендует гражданам чаще мыть руки и проветривать помещения. Профилактика гриппа начинается с малого.

— Новогодний фейерверк, запланированный на 4 февраля 3000 года на Народной площади, отменяется по техническим причинам.

— Первый уровень боевой готовности! Первый уровень боевой готовности! Всем гражданам предписывается оставаться дома, сократить выходы на улицу и избегать мест массового скопления людей...

Ш-ш-ш... хр-р-р...

Резкий треск помех прервал трансляцию.

Вместо диктора в эфире зазвучал нежный, успокаивающий голос молодого человека.

— «Пусть время уносится вдаль, мне важен лишь ты. Я готов раствориться в твоём дыхании...»*

В скромном трехэтажном доме, ничем не примечательном, на кухне второго этажа стоял стройный красивый юноша. Закатав рукава, он, в фартуке из желтой ткани в мелкий цветочек, склонился над плитой.

На индукционной панели в небольшой чугунной кастрюльке весело булькала вода.

Юноша с нежностью смотрел на кипяток и, взяв деревянную ложку, аккуратно зачерпнул из банки немного тростникового сахара. Сахар утонул в воде, и юноша принялся медленно его размешивать.

— «Что наша жизнь, если не встреча с родственной душой? Потерять всё не жаль, поэтому я...»

Сахар растворился, окрасив воду в красновато-коричневый цвет.

Юноша обернулся и, ласково улыбнувшись, спросил:

— Сяобао, тебе таньюань с арахисовой начинкой или с кунжутной?

За обеденным столом позади него сидел трехлетний малыш. В руке он держал восковой мелок и что-то увлечённо рисовал в календаре.

Услышав голос папы, мальчик поднял голову, посмотрел в потолок и серьёзно задумался:

— Хочу все!

— А какой больше?

— Хм... — Малыш, не в силах сделать выбор, принялся водить пальчиком в воздухе, бормоча считалочку. — Эники-беники...

— Скорее, а то вода выкипит!

— Вот этот! С кунжутом!

— Тогда давай я сварю тебе два с кунжутом и один с арахисом, хорошо?

— Хорошо, спасибо, папа, — кивнул малыш и тут же спросил: — Папа, а почему мы сегодня едим танъюань?

Юноша снова повернулся к плите, достал из пакета два твёрдых, как камень, замороженных шарика и бросил их в кипящую воду.

— Потому что сегодня пятнадцатый день первого месяца по лунному календарю, Праздник фонарей, — терпеливо объяснил он.

— А большой папа? Он не вернётся, чтобы отпраздновать с нами?

— Большой папа... — Юноша на мгновение замер. — Большой папа в командировке.

— А когда он вернётся? У него в командировке есть танъюань?

— Конечно, есть. А когда он приедет, папа сварит ему свежие.

— Ладно.

Горячий пар из кухни донёсся до столовой.

Юноша, стоя спиной к столу, сосредоточенно помешивал в кастрюле пухлые белые шарики.

Малыш снова взялся за мелок и склонился над своим незаконченным шедевром.

Он рисовал фейерверк.

Сначала закрасил весь лист чёрным, а потом поверху стал наносить яркие вспышки салюта.

Красный, зелёный, жёлтый и...

Какой ещё цвет?

Малыш поднял голову и, посмотрев сквозь щели в жалюзи на чернильно-чёрное ночное небо, задумался.

Сегодня 19 февраля 3000 года, пятнадцатый день первого лунного месяца, Праздник фонарей.

Его зовут Линь Сяобао, его папу — Линь Цзао, он воспитатель в детском саду, а его большого папу — Фу Чэн, у него своя автомастерская. Они живут в новом районе небольшого города, на Улице Счастья, дом 3. Номер их телефона 2792...

Папа и большой папа обещали, что в канун Нового года поведут его на Народную площадь смотреть фейерверк.

И они действительно поехали.

Большой папа вёл пикап, папа сидел рядом на пассажирском сиденье, а он — сзади, в детском кресле.

На дорогах были пробки, улицы шумели и сверкали красными фонарями, отовсюду доносились новогодние песни.

Когда они уже почти доехали до площади, там внезапно началась какая-то драка.

Толпа людей сгрудилась в одном месте.

Они кричали, толкались, дрались, и что-то красное брызнуло во все стороны, пролетев мимо их окна.

Но он не успел ничего рассмотреть...

Папа отстегнул ремень безопасности, перебрался на заднее сиденье и закрыл ему глаза.

Большой папа выругался, резко крутанул руль и вдавил педаль газа в пол.

Так ничего и не увидев, он вернулся домой.

Большой папа взбежал наверх и запер все окна и двери.

Папа, обнимая его, сказал, что красное, которое он видел, — это, наверное, арбузный сок или томатный соус.

Ему тоже захотелось, но папа сказал, что зимой арбузный сок пить нельзя, живот разболится, а томатный соус без картошки фри есть невкусно.

Ну ладно.

С того дня их жизнь перевернулась.

На следующий день, в первый день Нового года, папа и большой папа не повели его в гости, а соседские дедушки, дяди и тётки крепко заперли свои двери.

На третий день с улицы донёлся рёв, похожий на рычание тигра или льва. Папа и большой папа задернули шторы и не разрешали ему смотреть в окно.

На четвёртый день его любимый мультфильм «Весёлые козлята и Серый волк» перестали показывать. Вместо него начались какие-то непонятные новости.

На пятый день большой папа отправился на пикапе в «экспедицию» и привёз три мешка муки, пять мешков риса и два мешка овощей.

Шестой день, седьмой...

И...

Линь Сяобао загибал пальцы.

У него их было всего десять, и считать дальше он не умел.

Внезапно его осенило. Он наклонился, упёрся лбом в край стола, потёр коротенькие ножки друг о друга, сбросив тапочки, и указал на большой палец ноги, выглядывающий из пушистого носка.

Одиннадцать!

На одиннадцатый день большой папа снова уехал в «экспедицию».

И до сих пор не вернулся.

Он и папа очень по нему скучали.

В этот момент танъюань сварились.

Линь Цзао наклонился и выключил плиту.

— Сяобао, убирай свои вещи, будем ужинать.

— Хорошо.

Линь Сяобао послушно кивнул, закрыл календарь, сложил мелки в коробку и протянул папе ручки.

Линь Цзао снял фартук, подошёл, подхватил сына под мышки и вынул из детского стульчика.

Он опустил глаза и удивлённо спросил:

— А где твои тапочки?

Линь Сяобао смущённо улыбнулся и попытался сменить тему:

— Папа, я научился считать до одиннадцати!

Линь Цзао ласково улыбнулся и подыграл ему:

— Правда? Какой ты молодец!

— Конечно! — гордо выпятил грудь Линь Сяобао.

Линь Цзао усадил сына на стул, присел на корточки и, протянув руку, достал из-под стола его тапочки.

Линь Сяобао взял их и сам надел.

— Иди мой руки.

— Хорошо.

Мальчик соскользнул со стула и, вперевалочку, побежал в ванную. Там он встал на свою маленькую скамеечку, открыл кран и принялся усердно тереть ладошки.

Линь Цзао тем временем вернулся на кухню, чтобы принести ужин.

Запасов еды в доме оставалось не так уж мало, но и не сказать, чтобы много.

Приходилось экономить.

Поэтому Линь Цзао взял всего одну картофелину размером с кулак, половинку моркови, кусочек вяленой колбасы и полстакана риса, приготовив из этого ароматный плов.

Картофель и морковь Фу Чэн привёз в прошлый раз.

Колбасу они заготовили ещё до Нового года: Фу Чэн купил несколько десятков фунтов свинины и отдал в копильню на рынке.

Линь Цзао сначала обжарил колбасу, чтобы она дала аромат и жир, затем добавил нарезанные кубиками картофель и морковь, а в конце сдобрил всё соевым соусом для вкуса.

Этого хватило, чтобы рис пропитался жиром и ароматом, став блестящим и рассыпчатым.

А поскольку сегодня был Праздник фонарей, Линь Цзао, следуя древней традиции, сварил шесть шариков таньюань — на удачу.

Линь Сяобао, вымыв руки, спрыгнул со скамеечки, подбежал к папе и протянул ему ладошки для проверки.

Линь Цзао взглянул, затем поднял сына, усадил обратно в детский стульчик и повязал ему жёлтый слюнявчик в цветочек, точь-в-точь как его фартук.

Он наложил Линь Сяобао полмиски риса, поставил перед ним и напомнил:

— Горячо, дуй, прежде чем есть.

— Угу. — Линь Сяобао не нуждался в помощи: левой рукой он придерживал миску, правой орудовал ложкой. Зачерпнув немного риса, он подул на него и отправил в рот. — Фу-фу... Вкусно! Папа, ты так здорово готовишь!

— Ешь не торопясь, — сказал Линь Цзао, придвигая свой стул и садясь рядом.

Картофель получился нежным, морковь — мягкой, а колбаса — ароматной, сладковатой и упругой.

Рис впитал в себя все запахи, и каждая ложка приносила настоящее удовольствие.

Вот только...

Где сейчас Фу Чэн, ел ли он, и что именно?

Линь Цзао вздохнул, его взгляд потускнел, а ложка замерла в руке.

Фу Чэна не было уже почти пять дней, телефон не ловил, и неизвестно...

— Папа, добавки!

— А? — Линь Цзао очнулся и увидел протянутую ему пустую миску. — Хорошо.

Он наложил сыну ещё риса, затем снова взял свою ложку и отправил в рот большой кусок плова.

Нужно жевать, нужно глотать.

Сейчас не время и не место для уныния.

Нужно хорошо питаться и беречь себя — это самое главное.

После ужина они вместе вымыли посуду.

Телевизор уже несколько дней не работал, показывая лишь снег.

Даже если бы он и работал, любимых мультиков Линь Сяобао всё равно не было.

Поэтому Линь Цзао решил дорисовать с сыном фейерверк, который они начали до ужина.

— Папа, а какие ещё бывают цвета у фейерверка?

— Бывают... золотой, синий, оранжевый. Мы же в прошлом году с большим папой смотрели.

— Я забыл, — тихо сказал Линь Сяобао. — А когда мы снова пойдём смотреть фейерверк?

— Сейчас нельзя. Но если ты хочешь посмотреть... — Линь Цзао подпёр голову рукой и задумался. — В прошлом году, когда мы были на площади, большой папа снимал всё на камеру. Хочешь, посмотрим запись?

Глаза Линь Сяобао загорелись.

— Хочу!

— Тогда сначала идём в душ. Примем тёплую ванну, наденем чистые пижамы и будем смотреть фейерверк прямо в кровати, договорились?

— Договорились! — с восторгом ответил Линь Сяобао.

— Пойдём!

Линь Цзао взял его за руку, и они поднялись на третий этаж, в ванную.

Они никуда не выходили, и дома было чисто.

Линь Цзао налил в таз тёплой воды, быстро обтёр сына, передел его в зелёную плюшевую пижаму с динозавриком, и всё.

Он уложил Линь Сяобао в кровать, укрыл одеялом и велел ждать, а сам, то и дело оглядываясь, быстро принял душ.

Не прошло и пяти минут, как он вышел, одетый в такую же пижаму, только побольше.

— Сяобао, ты готов?

— Я готов! — нетерпеливо воскликнул Линь Сяобао. — А ты, папа?

— А я как раз готовлюсь.

В спальне Линь Цзао и Фу Чэна был телевизор.

Линь Цзао присел на корточки у тумбы под телевизором, выдвинул ящик и, порывшись в стопке дисков, нашёл тот, что был с прошлого Нового года.

Электричество пока не отключили, только пропал сигнал, так что DVD-проигрыватель работал.

Он нажал кнопку, вставил диск, и воспроизведение началось.

«Маленький динозаврик», виляя попой, подвинулся в сторону.

— Папа, иди скорее сюда!

— Иду! — Линь Цзао забрался в кровать, залез под одеяло и обнял сына.

Они устроились поудобнее, прислонившись к подушкам.

Линь Цзао прижался щекой к пухлой щёчке Линь Сяобао, и они оба уставились в экран.

Видео началось. Камера дрожала и тряслась.

Внезапно в кадр ворвалось суровое мужское лицо.

Линь Сяобао указал на экран:

— Большой папа.

Линь Цзао взял его за руку и тихо ответил:

— Да, большой папа.

Высокий мужчина с короткой стрижкой, несмотря на зиму, был одет лишь в старую чёрную майку, открывающую широкие плечи и сильные руки. Вид у него был довольно грозный.

Он хмурился, его взгляд был мрачным и тяжёлым. Он вертел в руках цифровую камеру.

Маленькая камера казалась в его руках игрушкой.

В следующую секунду мужчина заговорил, но слова его были совсем не грозными:

— Дорогая, я не умею пользоваться этой новой камерой. Дорогая, моя умница-жена, помоги

мне.

— Сынок, посмотри, запись уже идёт?

— Дорогая, сынок, почему вы меня игнорируете?

За кадром послышался голос Линь Цзао.

— Я доделываю конспекты! А твой сын в туалете! Не мешай нам!

Рядом с Фу Чэном Линь Цзао никогда не стеснялся, его голос звучал громче и строже.

— А, — глухо отозвался мужчина и, разобравшись с камерой сам, принялся молча снимать их дом.

Вот спальня, вот кабинет, вот гостиная.

В гостиной работал телевизор, показывали любимый мультик Линь Сяобао.

Мужчина приблизил камеру и прокомментировал:

— Любимый мультик сына, но он сейчас какает... то есть, в уборной, как говорит моя жена, нужно выражаться культурно. Сниму это для него, я ведь такой хороший большой папа.

Внезапно из туалета донёсся крик Линь Сяобао:

— Большой папа! Большой папа!

— Иду, — мужчина уже было направился с камерой туда, но вдруг что-то вспомнил и опустил её.

Сын в уборной, снимать нельзя.

Перед телевизором трёхлетний Линь Сяобао смущённо отвернулся и уткнулся в папу.

Когда же начнутся фейерверки? Где они?

Он хотел смотреть фейерверки, а не на себя в туалете.

Линь Цзао понимающе спросил:

— Перемотать?

— М-м... — Линь Сяобао покачал головой. — Не надо.

Он снова повернулся к экрану и, закрыв лицо ладонками, стал подглядывать сквозь пальцы.

Ладно, можно и посмотреть.

Фу Чэн снял весь их дом, каждый уголок.

Только к вечеру, когда солнце село, семья собралась ехать на фейерверк.

Перед самым выходом Фу Чэн всё ещё не выпускал камеру из рук.

— Мой любимый сын, Линь Сяобао. Милый, очень милый.

— Моя самая-самая любимая жена, Сяо Цзао. Мой сладкий финик, очень-очень милый.

— Я — простой механик, необразованный, не могу подобрать слов. А теперь мы едем смотреть фейерверк.

Линь Цзао и Линь Сяобао стояли перед ним, упираясь лбами в объектив, и в один голос сказали:

— Чэн-гэ/Большой папа, хватит снимать, поехали!

Светлое круглое личико, поджатые красные губки и тёмные, круглые, как бусины, глаза — Линь Цзао и Линь Сяобао были похожи как две капли воды.

Картинка дёрнулась — очевидно, Фу Чэн был сражён наповал.

— Хорошо, хорошо, едем.

Наконец-то, семья на экране собралась смотреть фейерверк!

Но в этот самый момент...

Линь Сяобао, лежавший на кровати, закрыл глаза, его голова склонилась набок, и он повалился на подушку.

Большой папа слишком много болтал.

Он не выдержал.

Линь Цзао наклонился и поднёс палец к его носу, чтобы проверить дыхание.

Уснул.

Линь Цзао усмехнулся. Не став будить сына, он тихо выключил телевизор и свет и укрыл его одеялом.

Пусть спит.

Линь Цзао лёг рядом с сыном и, похлопывая его по груди через одеяло, подумал:

«Спи, проснешься, а большой папа уже дома».

Фу Чэн... дома...

Убаюкивая сына, Линь Цзао и сам незаметно уснул.

Мир погрузился в тишину и мрак.

Настенные часы мерно тикали, секундная и минутная стрелки совершали круг за кругом, а часовая медленно ползла от деления к делению.

Неизвестно, сколько прошло времени, но вдруг снаружи послышался звук трущихся о землю автомобильных шин.

Линь Цзао проснулся и, сонно протирая глаза, сел в кровати, оглядываясь по сторонам.

Что случилось? Что за звук?

Знакомый шум становился всё громче, всё ближе.

Линь Цзао мгновенно проснулся. Он откинул одеяло и, даже не обувшись, словно птичка,

выпорхнул из комнаты и понёсся вниз.

— Чэн-гэ!

<http://bllate.org/book/16977/1580447>